Поражение русской армии под Головчиным заставил предпринять довольно смелые шаги по отношению к коронному польскому гетману Адаму Сенявскому. Если совсем еще недавно Мазепа "водил за нос" Сенявского в деле передачи Правобережья полякам, то сейчас он вначале аномимно, а позже – прямо предлагал коронному гетману стать польским королем. Мазепа исходил из того, что шведы, в конце концов, одержат победу и в такой ситуации лучше иметь в союзниках умного и опытного Сенявского, чем никем не уважаемого Лещинского. Переписка с Сенявским была крайне рискованным делом, но времени у гетмана на тонкие игры больше не было. Поэтому он одновременно посылал письма и царю, в которых предупреждал Петра о возможных контактах польского коронного гетмана со шведами. Эти контакты действительно имели место, поскольку в тот период Сенявский еще окончательно не определился: с кем ему быть. Когда же коронный гетман принял окончательное решение остаться с русским царем, он написал Петру письмо, в котором раскрывал планы Мазепы. Писал об этом и российский посланник при дворе Августа II А. Дашков. Но вера царя в незапятнаность украинского гетмана была абсолютной. После перехода Мазепы к шведам А. Дашков с ехидцей писал царю, что, мол, вот, вы не верили мне, а я оказался прав.

После Головчинской битвы русские отряды отступили к Мстиславлю, и штаб Петра расположился близ местечка Горки. Поразительно, но факт — только после Головчина выяснилось, что шведский король, войдя в пределы российского государства, вовсе не имел ясного плана военной кампании. Безоговорочно уверовав с юных лет в свой Богом данный талант и презрительно относясь к русскому войску как к недостойному противнику, с которым можно решить дело разом, сойдясь в генеральном сражении, он шел к Москве практически вслепую. Данные его разведки были ничтожными, да он и не нуждался в них. Даже генералу Левенгаупту приказал собрать обоз с артиллерией, порохом и провиантом в таком количестве, чтобы до Москвы хватило. Результат для шведов был плачевным. Осуществление